

12+

БЕЛОРУС КОЛІІ ХАРТАТА

АННАСА ЛІІІ

Алиса Ши

Кости белого Харгата

«Издательские решения»

Ши А.

Кости белого Харгата / А. Ши — «Издательские решения»,

Мир далёкого будущего утонул в песках. На руинах цивилизации проросло нечто чуждое — мистический сплав мёртвых технологий и живой плоти. Маленький путешественник Жень-Шень идёт через пустошь, чтобы отыскать ответы на простые, но неотступные вопросы: кто он и что было до него? «Кости белого Харгата» — история любопытства и странной красоты погибшей Земли. Для тех, кто хочет уйти от суеты и пережить приключение, похожее на глубокий, любимый фильм.

© Ши А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Шёпот мертвого города	6
Глава вторая	9
Хор рубиновых огоньков	9
Глава третья	12
Осторожно, двери закрываются	12
Глава четвертая	15
Рыбка и чёрные шарики	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кости белого Харгата

Алиса Ши

© Алиса Ши, 2026

ISBN 978-5-0070-4171-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Шёпот мертвого города

Солнце стояло в зените, но света почти не давало — вечная взвесь пыли в этом городе превратила небо в белесый купол. Жень-Шень скользил по бархану, пересекавшему бывшую транспортную артерию. Песок под войлочными сапогами шипел как старый экранный шум.

Песня означала пустоту внизу. Под толщей спрессованного крошева прятался технический тоннель или станция подземки. Опасно. Очень опасно.

Жень сместился левее, нащупывая посохом островки оплавленного асфальта. Город вокруг напоминал больной рот: бетонные остоны торчали, как гнилые зубы, а в «деснах» — перекрытиях зияли каверны. Ветра не было, и это напрягало.

Жень-Шень не боялся, вернее, его не сильно пугала неизвестность тоннеля под ним. Три дня кряду он только и делал что спал в одном из старых зданий, больше всего похожих на временное жилище. А всё из-за того, что прямо перед тем, как он добрался до этого города, ему пришлось две недели идти по пескам, переступая с одной ноги на другую, не видя и края пустыни. Подобные путешествия сильно выматывают и заставляют ценить даже такой город обломков, как этот.

Момент полной тишины и Жень затаился как пискляка нашедшая кроху, слушая, нет ли хищника там, внизу.

Сейчас.

И звук пришёл.

Сперва Жень списал его на галлюцинацию от долгого сна. Всё перепроверь и один раз отруби — так говорил старый отшельник, пока ещё мог произносить звуки похожие на слова. После трёх суток на осадке из опреснителя можно увидеть и не такое. Но звук повторился: ритмичное «дзень-дзень-дзень», как будто кто-то бил крошечным молоточком по стеклянному колокольчику.

Звук был чистым. Механическим. Живым — в том смысле, какой вкладывали в это слово Стеклашки и Сосунки.

Жень присел и втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Пахло палёным камнем и металлом. Либо где-то рядом работает старый генератор, либо включилась система оповещения. Второе хуже — сирены привлекают «сосунков».

«Сосунками» называли автономных уборщиков старой эпохи — ржавых пауков-экскаваторщиков, которые всё ещё выполняли программу по сносу аварийных зданий. Ну или пытались выполнять. Кажется, это город, где ещё пытались сохранить цивилизацию до последнего вздоха. Жень видел их следы: ровные, оплавившиеся срезы на бетоне. С такими штуками не договариваются.

Звук вёл за полуразрушенную арку с надписью «*T_ Me__d_an*» — в здание, похожее на расслоившийся слоёный пирог. Торговые галереи давно выпотрошили, но подвалы и верхние этажи всё ещё держали секреты. Жень колебался ровно секунду. Припасы таяли. Если там генератор — можно зарядить аккумуляторы. Если улей «сосунков» — он труп. Обычная математика пустоши. Жень съехал ступнями по песку вниз, аккуратно вставая на холодную плиту.

Внутри торгового центра царил зеленоватый сумрак. Свет сочился сквозь проломы в перекрытиях, подсвечивая колонны пыли. «Дзееень» стало громче, разбилось на многоголосье. Звук плыл сверху, с третьего этажа.

Эскалатор умер столетия назад, ступени спеклись в монолит. Жень полез по арматурным петлям, торчащим из стены. Песок, попавший и в перчатки, и в рот, хрустел на зубах. Зря он пошел без маски. На уровне второго этажа Жень увидел её.

Уродливая фигурка с длинными волосьями и мягким овалом того, что раньше было лицом.

Голограмма, потрескивающая от помех, парила над ржавой стойкой книжного магазина. Полупрозрачная, одетая в тонкий дождевик, немыслимый в этом мире вечной суши. Рекламный фантом, решил Шень, переживший апокалипсис.

Изображение подрагивало, фигура открывала рот, и тот самый звук — «дзень» — оказывался обрывком фонемы. Она пыталась что-то сказать, но аудиодорожка сбилась в бесконечную петлю.

— Покупайте клубни, покупайте два по цене трёх только на звон-маркет, или как там... — прошептал Жень, а сердце колотилось где-то в горле, хотя опасность миновала.

Он подтянулся, чтобы забраться на этаж, и тут же пожалел о своих словах.

Они стояли в тени стеллажей. Три «сосунка». Не те гиганты-разрушители, а малая сервисная модель. Похожи на металлические скелеты, обтянутые остатками резиновой шкуры. Патрульные музейных зон. Стояли идеально неподвижно, их оптические линзы были погашены. Жень задержал дыхание и медленно опустил ногу обратно на выступ.

Он знал, как это работает. Ретранслятор — кристалл в основании голограммы — излучал сигнал. Пока он работает, «сосунки» находятся в режиме ожидания. Как только энергия кончится... или он, Жень, случайно перебьёт луч, — звери активируются и начнут убирать «биологический мусор». То есть его.

Взгляд Жень заметался по магазину. Бумажные книги. Плюшевый зверь, превратившийся в мумию. Аппарат со ступеньками, экранный транслятор или что это? И странный луч света из подсобки.

Луч не от лампы. От другого голографического дисплея, стабильного, не мигающего. Там явно был независимый источник питания. Может, старая батарея. А может, то, что ему нужно.

По тем же петлям на стене центра Жень перебрался на этаж повыше.

— Не трусь, Шеше, — прошептал он себе, вытаскивая из-за пояса моток капронового шнура и ржавый гвоздь-костыль.

План был безумен. Нужно заякорить костыль в щели перекрытия, спрыгнуть маятником вниз, пролететь над головами «сосунков» и приземлиться прямо у двери подсобки. И не задеть луч ретранслятора.

Старые люди применили бы динамику и точность. Как в той старой игре, в которую он никогда не играл, но видел всплывающие картинки на шумном модуле.

Мышцы взвыли, благо они были. Толчок — и мир превратился в свист песка в ушах, в какой-то момент зажмурился от страха, но переборол себя и распахнул глаза. Качнулся над пропастью торгового зала, скользнул в проем этажа, чувствуя, как в миллиметре от него проносится слепая морда «сосунка».

Приземление вышло жестким, он прокатился по битому стеклу и врезался спиной в дверной косяк подсобки.

Тишина. Голограмма икнула и снова завела своё «дзень-дзень». «Сосунки» не шелохнулись. Обманул зверё, получается.

В подсобке было темно, но луч прожектора бил прямо в центр крошечного стеллажа. Это была не батарея. Это был автономный обучающий терминал — чудо инженерной мысли, работающее от фотоэлемента на крыше.

На полке, в луче стерильного света, лежала она. Книга. Слепая, с выцветшей обложкой. На ней был нарисован улыбающийся робот-зверь и большие печатные буквы: «Сконструируй сам. Основы робототехники для детей от 5 лет».

Жень моргнул. Пять лет. Для кого печатали эти книги? Для nano-ботов только успевших натянуть органическую оболочку?

Он протянул руку и взял книгу. Она была тяжёлой. Внутри что-то глухо стукнуло. Жень раскрыл её и обомлел.

Это была не просто книжка с картинками. Кроме страниц, в толстой картонной обложке было проделано углубление, заполненное поролоном. А в поролоне, в идеальной сохранности, лежал набор зелёных пластинок, разноцветных проводков, колбочек и оптическая линза. Базовый комплект для сборки простейшего, но чего?

В динамике на голограмме что-то щёлкнуло. Голос сменился. Эфир на старой частоте прочистился. Фигура наконец произнесла чётко и ясно, прежде чем погаснуть навсегда:

— Чтобы что-то починить, узнай, как это работает. Удачи изобретатель!

Свет погас. Терминал умер, выполнив последнюю директиву. В наступившей полной, абсолютной тишине Жень услышал, как в торговом зале зашевелились, пробуждаясь, три пары металлических лап. «Сосунки» активировали линзы.

Жень сунул книгу за пазуху, сжал покрепче посох и усмехнулся. Теперь у него была не просто добыча. У него была какая-то инструкция. И, судя по обложке, эти звери сейчас — просто плохо собранные игрушки.

— Будь судьей моя шляпа, разберёмся, — выдохнул он и шагнул из подсобки навстречу красным огонькам оптических сенсоров.

Глава вторая

Хор рубиновых огоньков

Он возвращался в себя медленно, будто всплывал со дна колодца, заполненного тёмным киселём. Сначала пришёл запах — родной, пыльно-железный, с примесью сушёного мха, которым он набивал щели в стенах. Потом ощущение мягкого тепла. Левую руку будто обнимал нагретый песок. Жень-Шень моргнул, разгоняя мутную пелену, и уставился в потолок.

Бетонная плита над головой была исчерчена знакомой паутиной трещин. Закуток. Его логово. Второй этаж хорошо сохранившегося бывшего офисного центра «Ласточка», кабинет с табличкой «Отдел перспективного планирования». Иронию этой надписи Жень оценил ещё в первый день, когда заколотил окно остатками серверных шкафов.

Он попытался пошевелиться. Тело отозвалось тупой, сытой болью. Правая рука — та, что когда-то держала посох, — оказалась перебинтована. Грубо, неумело, явно левой рукой и в темноте. Серый от стирки бинт (бывшая простыня из гостиничного номера) был затянут туго, кое-как, узлом на запястье. Пахло кровью, старой, запёкшейся, и чем-то кислым — кажется, он щедро плеснул на рану осадком перегнанного уксуса. Дезинфекция. Что ж, спасибо усвоенным рефлексам, опередившим сознание.

Он сел. Мир качнулся, в висках застучало биение сердца. В горле першило. Жень-Шень обвёл взглядом комнатушку: походный спальник, светокристалл, грудa хлама в углу, пахнущая сушёными кактусами. Всё на своих местах.

И тут — сердечко опять рухнуло в уши — толчок паники, холодный, как прикосновение стали к голой спине. Книга. Где книга?! Перед глазами вспыхнула картинка: яркая обложка, улыбающийся робозверь, фигура-голограмма, гаснущая с последним словом. Сердце провалилось в живот. Неужели бросил? Неужели потерял там, в подсобке, когда...

Он сунул руку под импровизированную подушку — скатку из старого плаща, пахнущего чужой жизнью. Пальцы наткнулись на твёрдый картонный угол. Книга. Здесь. Лежит себе спокойно, как будто всегда тут и была. Жень выдохнул — длинно, со свистом. Прижал книгу к груди, ощущая её вес, её тепло. Живая. Целая. И ремкомплект внутри.

И стоило этой мысли успокоиться, как другая — хищная, зубастая — вцепилась в затылок. А как я вообще здесь оказался?

Память штука своенравная. Она похожа на испорченный диафильм, который показывают в тёмной комнате. Иногда яркие, цветные кадры, иногда — сплошная чернота с царапинами. Жень зажмурился, хватаясь за обрывки памяти. И чёрная плёнка пошла рябью.

Вспышка.

Вот он стоит в дверях подсобки, сжимая книгу. Впереди торговый зал, залитый мертвенным зелёным светом. Сосунки активировались. Три пары рубиновых глаз горели во мраке. Две особи патрулировали периметр, методично обнюхивая пол. Третья ждала. Прямо за дверным косяком.

Жень вспомнил этот момент абсолютно ясно, до мельчайших деталей. Как он сделал шаг. Как дверь предательски ширкнула по полу задевая какую-то горку железяк. Как «сосунок» за дверью повернул свою тупую, похожую на чугунный утюг голову.

Он знал их устройство. Примитивные оптические сенсоры, акустический радар ближнего радиуса, директива «очистка горизонтальных поверхностей от посторонних предметов». Сейчас, в этом мире, «посторонним предметом» был он.

Сосунок прыгнул. В общих чертах это было похоже именно на прыжок, смешно оттолкнувшись всеми четырьмя конечностями, как лягушка из ржавого металлолома. Его ковш —

маленький, но мощный, способный дробить кирпичи, — раскрылся на лету, завывая миниатюрной турбиной.

Жень отшатнулся. Правая рука метнулась в сторону, хватая первое, что попало под пальцы. Было бы здорово если арматура. Но нет.

Это был степлер.

Обычный такой строительный степлер. Образца примерно 2026 года, судя по маркировке на боку и литой пластиковой рукояти. Красный, тяжёленький, с магазином на полсотни скоб. Кто-то из ТЦ, видимо, когда-то ремонтировал обшивку стен. Кто-то понятия не имел, что через триста лет его инструмент станет оружием.

ЧПОК-ЧПОК-ЧПОК-ЧПОК

Сосунок врезался ковшом Женью в грудь, отбрасывая к стене. Вой турбины заложил уши. Ковш, клацая зубьями, потянулся к горлу. Жень, даже не успев подумать, выбросил левую руку вперёд и с усилием нажал на спуск.

Степлер плевался скобами с оглушительным треском. Скобы — не пули, но вылетали с хорошей кинетикой. Они застучали по морде сосунка, высекая искры, застревая в сочленениях пластин и органической плоти, калеча сенсоры. Одна скоба, особенно удачливая, вошла точно под оптическую линзу. Туда, где был скол. Сосунок как-то удачно повернул стеклянным глазом и послышался треск. Сосунок взвыл (Шенью так показалось) и дёрнулся в сторону, смазывая захват.

Жень не стал ждать второго шанса. Он перекатился, хватая свободной рукой обломок металлического стержня. Ножка стула, не иначе. Ударил по корпусу сосунка. Ещё удар. Он лупил сосунка по сочленению шейного модуля, туда, где броня была тоньше.

Краем глаза он видел, как два других сосунка разворачиваются. Времени не было. Жень надавил степлером прямо в морду своему противнику, заклинив ковш скобами намертво, и рванул к эскалатору.

И тут — боль. Дикая, белая, перечёркивающая реальность, такая, что Жень в момент задохнулся и упал. Это второй сосунок, самый мелкий и юркий, зашёл с фланга. Его ковш сработал почти бесшумно, по-кошачьи. Зубы сомкнулись на предплечье — да, точно, на предплечье правой руки, — и с силой рванули обратно к обладателю. Жень закричал.

Он вспомнил это чувство, оно фантомно ударило в голову снова: не просто укус, а именно «отгрызание». Жуткий тошнотворный треск. Ковш не был рассчитан на крепкие поддерживаемые наноботами кости. Он забился, засбоил, дёрнулся рывками, пытаясь пропустить «нестандартный материал» в утилизатор. И эти рывки рвали руку в клочья. Жень помнил, как ударил нападавшего ногой в сочленение, как порвал органику, как тот, заверещав на ультразвуке, рухнул в шахту эскалатора, утаскивая за собой клочок рубахи и кусок плоти. А потом — побег. Тёмные коридоры. Запах крови. И пустота.

Флешбэк погас так же резко, как и включился. Жень-Шень судорожно вздохнул, ошупывая бинты. Под ними пульсировала боль. На месте руки была мягкая и длинная, почти пластилиновая мякоть. Повезло. Невероятно, фантастически повезло, нано-боты справились с построением кости, смогли собрать материал и судя по характерной боли — всю работу над сохранением конечности.

Сосунки — не хищники. Им не нужна пища, им нужен порядок. Они всего лишь пытались «убрать» его с горизонтальной поверхности. По кусочкам.

Он откинулся на лежанку. Степлер. Надо же. Раньше он видел эти штуки только в обрывках реклам офисных принадлежностей, как же они назывались? А, кастовары. Жень тихо, хрипло рассмеялся. «Собери меня», — прошептал он, глядя на книгу. Да уж, собирать теперь придётся в первую очередь себя. Смех перешёл в кашель, кашель — в тишину.

В закупке было тепло и спокойно. Светокамень едва мерцал, отбрасывая на стены размытые, уютные тени. Но что-то изменилось. Жень-Шень замер, привычно сканируя пространство

чувствами. Запах. В воздухе появился новый запах. Едва уловимый, чужеродный. Так пахнет металлическая пыль, нагретая работающим мотором. И гарью.

Он медленно, очень медленно повернул голову к двери. Та была заперта на лом и стянута тросами — не самая прочная конструкция. Всё как он оставлял. Но... в углу, возле заколоченного окна, там, где свет керосинки не мог создать такую тень, стояла тень. Густая, абсолютно чёрная, ростом с крупного зверя. Она не должна была там находиться. И у неё не было источника.

Тень пошевелилась. В её глубине, на уровне груди сидящего человека, зажглись два знакомых рубиновых глаза. Не «сосунок». Хуже. Гораздо, гораздо хуже. Тень издала звук, похожий на сдавленный человеческий шёпот, голосовой модуль хорового червя ширкнул, когда его заметили слабым:..ост... рж..две... ри... закрываются...

Оно пришло. Выследило. По запаху ли крови, по вибрациям ли шагов — неважно. Важно другое: его закуток больше не был убежищем. Он был ловушкой, в которую Жень-Шень сам себя загнал.

Рука сама потянулась к книге под подушкой. Не для того, чтобы защититься ею. А чтобы попрощаться. Но пальцы наткнулись не только на картон. Что-то ещё лежало там, под книгой, что-то холодное и металлическое. То, чего он точно туда не клал.

Глава третья

Осторожно, двери закрываются

Пальцы сомкнулись на чём-то холодном. Жень-Шень замер, боясь даже дышать. Тень в углу колыхнулась, рубиновые глаза мигнули, и голосовой модуль снова выплюнул порцию чужих, мёртвых слов:

— ...следующая станция...

Звук был сиплым, будто динамик забило песком. «Ржавый хоровой». Жень слышал о таких от отшельника. Они не нападали сразу. Они *нарастали*. Металлические шарики, каждый размером с фалангу пальца, примагничивались к брошенным голосовым блокам, к ржавым реле, к остаткам электронных мозгов. Питались вибрацией. Чували кровь за километр. И ждали. Ждали, пока жертва ослабнет, истечёт, потеряет сознание. А потом нарастали уже на неё.

Этот, судя по размерам тени, копил себя долго. Ещё и приполз из полузабитого окошка, через маленькую щель пролез. Шариков в нём было столько, что они образовывали подобие звериного силуэта — приземистого, горбатого, перетекающего с места на место, как ртуть.

Жень медленно, миллиметр за миллиметром, вытягивал предмет из-под подушки. «Что там может быть? Нож? Отвёртка? Забытый патрон?» Пальцы скользнули по гладкому пластику. Тонкий корпус. Кнопка. И крошечный выступ на торце.

Он скосил глаза.

Это была лазерная указка. Самая обычная. Красный пластиковый корпус, кнопка сбоку, карабинчик для ключей. Кажется, он подобрал её в каком-то блоке, машинально сунул в карман и забыл. Предтечи обожали такие штуки. Ими тыкали в проекционные доски, играли с мелкими зверями, которых больше не существовало, и бесили лекторов в аудиториях.

Лазерная указка. Против ржавого хорового.

Какая-то смутная догадка, подсмотренная в старых обрывках технических мануалов, — заставила его замереть. Оптические сенсоры. У «сосунков» они были примитивными, но у хорового? Шарики общались между собой с помощью световых сигналов. Инфракрасных, невидимых глазу. А лазер — это когерентный свет. Если ударить точно в сенсорный кластер — в те самые рубиновые глаза — можно вызвать перегрузку. Замыкание. Лавинный сбой в роевом интеллекте.

Или просто разозлить тварь. Одно из двух.

Тень дёрнулась. Шарики зашуршали друг о друга с мерзким скрежетом, будто кто-то провёл гвоздём по стеклу. Хоровой начал распадаться — не от страха, а наоборот, готовясь к броску. Его силуэт потерял форму, растёкся лужей, и эта лужа двинулась к лежанке.

— ...двери закрываются... следующая... следующая...

Жень выбросил руку вперёд. Боль в раненом предплечье взвыла, но пальцы уже нащупали кнопку. Он навёл указку точно в центр срединного рубинового огонька. И нажал.

Крошечная алая точка заплесала на поверхности шарика-сенсора. Ничего не произошло. Хоровой продолжал течь. Жень стиснул зубы, удерживая луч неподвижно. Секунда. Две. Пять.

А потом шарик начал нагреваться.

Сперва едва заметное свечение, ореол вокруг алой точки. Потом глухой хлопок, как будто лопнула перегоревшая лампа. Шарик брызнул искрами и покатился по полу, дымясь и теряя магнетизм. Хоровой вздрогнул. Его течение прервалось. Шёпот голосового модуля стал сбивчивым, захлебнулся помехами.

— ...осто-осто-осто...

Жень перевёл луч на второй глаз. На третий. Он выжигал их один за другим, как мальчишка выжигает жукоботов лупой если бы в этом мире ещё остались жукоботы. Шарики лопались с тихим чпоканием, похожим на звук открываемой банки. Хоровой заметался, его форма рассыпалась, шарики теряли сцепление и разлетались по углам, как перепуганные жуки.

Через минуту всё было кончено. На полу валялась горсть ржавого металлолома, маслянисто поблёскивающего в свете керосинки. Голосовой модуль — крошечный динамик, приклеенный к плате размером с ноготь, издал последний, жалобный всхлип:

— ...конечная...

И затих навсегда.

Жень выдохнул. Вытер пот со лба здоровой рукой. Правая всё ещё болела, но нанороботы — крошечный рой внутри его собственной крови, уже делали своё дело. Он чувствовал, как под бинтами шевелится новая плоть, срстаются сосуды, затягиваются раны. Ещё пара дней и рука будет как новая. Ну, почти. Шрамы останутся. Шрамы всегда остаются.

Он поднялся. Подошёл к останкам хорового, поворошил их носком сапога. Шарики были устроены просто: магнитный сердечник, сенсор, крошечный аккумулятор. И вот оно голосовой модуль. Не тот, что говорил, а другой, служебный. Маленькая плата, способная генерировать чистые тона. Камертон Предтеч. Идеальный инструмент для настройки акустических маяков.

Жень бережно извлёк модуль, спрятал в поясную сумку. Остальные шарики ссыпал в консервную банку. Пригодятся. Аккумуляторы в них — дрянь, конечно, но дюжину-другую слабых разрядов дадут. А здесь и такое богатство на вес золота.

Снаружи, за заколоченным окном, занимался рассвет. Мутный, белесый, просеянный сквозь вечную пыль. Жень подул на светокристалл. В закупке стало серо и тихо. Он сидел на лежанке, скрестив ноги, и смотрел на книгу.

«Собери меня. Основы робототехники для детей от 5 лет».

Пять лет. Интересно, какими были дети Предтеч? Наверное, толстыми, громкими, вечно требующими новых игрушек. Им не приходилось выжигать хоровых лазерной указкой. Им не приходилось знать, как пахнет собственная кровь на ржавом ковше «сосунка». Им читали книжки на ночь, а не использовали книги как тайник для микросхем.

Жень усмехнулся. Завидовать мёртвым — глупо. Лучше учиться у них.

Он открыл книгу. Страницы приятно пахли старой бумагой и типографской краской — запахом, которого в новом мире почти не осталось. На первой странице его встретил всё тот же рисованный пёс-робот, улыбающийся во всю свою металлическую пасть. Под картинкой большими буквами значилось:

«УРОК ПЕРВЫЙ. ДЕЛАЕМ БАТАРЕЙКУ ИЗ КАРТОШКИ! САМЫЙ ВКУСНЫЙ ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ»

Жень моргнул. Перечитал. Ещё раз. Из картошки? Серьёзно? Такая у него была, Отшельник буквально боготворил этот органический фрукт, гордился им и заставил Шеня взять с собой почти шесть клубней.

Он пролистнул страницу. Инструкция была до безобразия подробной, с картинками и весёлыми стрелочками. Требовалось: одна картофелина, два куса провода, оцинкованный гвоздь и медная монетка. Последние два пункта вызвали у Жень смехок. Гвозди у него были. А вот медная монетка? Он порылся в поясной сумке, куда скидывал всякую мелочь, найденную в развалинах. Старая пуговица, ржавый болт, обрывок цепочки... Ага. Вот. Потускневшая монетка с цифрами «5» и надписью по кругу. Медь. То, что нужно.

Картошка? Жень задумался. Стоит ли тратить «настоящую» еду на неизвестный эксперимент? В книге говорилось, что подойдёт «любой клубень или фрукт с кислым соком». Картошка — это единственное что подходило под описание, пришлось жертвовать.

Он достал из сумки средний модуль, разрезал пополам. Достал картошку. Снаружи она была сморщенной, суховатой, но сок внутри еще оставался. Жень размочил половинку в кап-

лях драгоценной воды из фляги, подождал, пока мякоть набухнет. Затем — строго по инструкции! — воткнул в репу гвоздь и монетку, отступив на ширину пальца. Соединил проводами. Подсоединил к крошечной лампочке, извлечённой из той же консервной банки с останками хорового.

Сердце стучало быстрее обычного. Глупость, думал он. Какая глупость. Картошка не может дать свет. Свет дают кристаллы, накопители, генераторы на солярке. Но рука — одна, ноющая вторая ещё не годилась для каких-то действий, — делала своё дело, и пальцы подрагивали от странного, давно забытого чувства. Предвкушения.

Он замкнул цепь.

Лампочка загорелась.

Жень зажмурился. Открыл глаза. Она горела крошечным, красным, тёплым огоньком, совсем непохожим на мертвенный блеск светящихся кристаллов. Те искрили голубым и холодным синим. А этот нет. Этот был *живым*. Как уголёк в костре. Как свет далёкого окна в мёртвом городе.

Он рассмеялся. Сначала тихо, потом громче. Смех вырывался из груди хриплыми, лающими толчками, и он не мог остановиться. Это было смешно. Нелепо. Прекрасно. Вот он, Жень-Шень, выживший после встречи с хоровым, едва не отгрызенной руки и трёхсот лет песков, сидит в бетонной коробке и заставляет лампочку светиться картошкой.

Лампочка горела долго — почти час. Жень лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел,

как тёплый зайчик пляшет на потолке. Светящийся кристалл сиротливо тускнел в углу. Он проиграл. Проиграл обычной сушёной картошке и детской книжке.

— Вот, значит, как вы жили, — прошептал Жень, обращаясь к людям, которых никогда не видел. — Вот что вы давали своим детям. Не оружие. Не броню. А вот это. Картошку, которая светит. И книжку с улыбающимся зверем.

Он закрыл глаза. Усталость навалилась мягко, как одеяло. Нанороботы в крови тихо жужжали, восстанавливая руку. В голове крутились картинки из книги, прочитанные на треть, на четверть, урывками, пока лампочка не погасла. Там было много уроков. «Урок второй: мастерим вибромотор из старой зубной щётки». «Урок третий: простейший датчик движения из консервной банки». «Урок четвёртый: собираем шагающего робота-помощника».

Шагающий робот. Если бы у него был шагающий робот — пусть крошечный, пусть игрушечный, — он мог бы отправлять его в узкие лазы. Мог бы разведывать завалы. Мог бы...

Жень уснул.

И приснился ему странный сон. Будто он идёт по чистому, светлому городу, где нет песка. Где небо голубое, а не белесое. И навстречу ему выходит рисованный зверебот. Улыбается. И говорит человеческим голосом — тем самым, из голосового модуля метро:

— Осторожно, двери открываются.

Жень проснулся оттого, что дверь его закутка действительно открывалась. Медленно, со скрежетом, сдвигая лом, которым она была заперта. Снаружи, в сером рассветном сумраке, кто-то стоял.

И у этого кого-то было очень, очень много рубиновых глаз.

Глава четвертая

Рыбка и чёрные шарики

Дверь открылась. Лом, служивший засовом, отъехал в сторону с противным скрежетом, будто кто-то провёл ногтем по бетону. Жень-Шень дёрнулся.

В дверном проёме, на фоне серой стены, стояла фигура. Невысокая, щуплая, закутанная в лохмотья, наслоённые друг на друга так, что невозможно было угадать очертаний тела. На плечах позвякивали какие-то подвески, брелоки, цепочки. Голову венчала маска будто выросшая сама собой из десятков ржавых шариков, облепивших лицо. Хоровые. Мёртвые хоровые, потерявшие магнетизм, но всё ещё хранящие следы былой структуры.

Маска не была мёртвой. Она едва заметно шевелилась, шарики перекатывались по скулам и лбу, перегруппировываясь, подстраиваясь под мимику носителя. Или носительницы. Или...

— Живой ты, что ли? — спросило существо.

Голос был странный. Не мужской. Не женский. Чистый, как звон стеклянного колокольчика, и в то же время хрипловатый, будто динамик, забитый песком. На лице, там, где должен быть рот, шарики разошлись, обнажая бледные губы.

— Спал, — осторожно ответил Жень, не двигаясь. — Пока дверь не сломали.

— Дверь не сломали, — возразило существо, перешагивая порог. — Дверь открыли. Разница огромная. Я не ломаю дверей. Я открываю их. Это вежливость называется. Мама учила.

Существо прошло в центр заутка и уселось на корточки, по-звериному, но без звериной угрозы — скорее с любопытством. Маска на лице снова перегруппировалась, шарики перетекли к вискам, открывая взгляду узкое лицо с острым подбородком, большими глазами неопределённого цвета и носом, усыпанным веснушками. Или это была не веснушки, а крошечные точки ржавчины от соприкосновения с металлом. Трудно сказать.

Жень рассматривал гостя, или гостью, молча. Одежда: слои тряпья, но не бесформенные, а подогнанные, стянутые ремешками, с карманами и петлями. На поясе болталась связка странных предметов: зеркальце в розовой оправе, брелок с белой звериной мордочкой (круглые уши, бантик у левого уха, глаза-пуговицы — Жень таких зверей не знал, в пустошах не водились), ещё что-то блестящее и непонятное. Всё это позвякивало и постукивало при каждом движении.

— Ты пялишься, — констатировало существо. — Это невежливо. Но я разрешаю. Меня зовут Килька. Как рыбу.

— Рыбу? — переспросил Жень.

— Ну да. Раньше в морях водились такие маленькие серебристые звери. Их солили и ели. Или не солили. Я не застала. Отшельник рассказывал.

Услышав имя Отшельника, Жень вздрогнул. Отшельник. Старик из Светлой Долины. Единственный, кто ещё помнил мир Предтеч — не по книгам, не по обрывкам записей, а сам, лично, проживший в том мире достаточно долго, чтобы видеть закат. Он рассказывал Женю о вечном поезде, который ходит под песками, о городах, где свет сам зажигался по вечерам, о людях, которые могли говорить друг с другом через маленькие светящиеся пластинки. И о своём теле, которое когда-то было улучшено нанороботами, а потом... разбежалось. В прямом смысле. Части тела переродились в отдельных существ (следствия экспериментов) неразумных, но живых, органическо-механических. Отшельник показывал их Женю: дрожащие комки плоти и металла, ползающие по траве. Последнее, что он сказал перед уходом Женья, было о вечном поезде. «Найди его, парень. Там интересно. Там ещё могут помнить, как жить».

— Ты знала Отшельника? — спросил Жень.

— Все знали Отшельника, — Килька пожала плечами, и брелоки на одежде зазвенели. — Только все по-разному. Кто-то боялся. Кто-то поклонялся. А я просто слушала, что он говорит. Он говорил много. Иногда полезно. Иногда бред. Но всегда интересно.

Она — или он? Жень всё ещё не мог определить, но решил думать как «она», потому что имя Килька звучало скорее как женское, — наклонилась вперёд, разглядывая останки хорового, рассыпанные по полу.

— Ты его убил? Сам? Чем?

— Красной указкой, — честно ответил Жень.

Килька замерла. Затем издала звук, похожий на смех, но сухой, шелестящий, будто ветер гнал песок по жестяной крыше. Шарик на её маске задвигался быстрее, заколыхался, передавая веселье.

— Красной указкой! — повторила она. — Это прекрасно. Это лучший способ, который я слышала за последние полгода. Обычно хоровых глушат звуком или жгут. Но указка! Тонко. Изысканно. Ты мне нравишься.

— Спасибо, — Жень не знал, что ещё сказать.

— Я слежу за хоровыми, — продолжала Килька, перебирая шарики на полу. — Они охотятся на раненых. На слабых. На тех, кто истекает кровью и не может идти. А я иду следом. Собираю то, что остаётся. Трофеи. — Она кивнула на свои подвески. — Всё это — вещи мёртвых. Тех, кого хоровые нашли первыми.

— Зачем ты их носишь?

— Чтобы было, — Килька подняла глаза, и в них на мгновение мелькнуло что-то острое, колючее. — И чтобы хоровые думали, что я — своя. Маска обманывает их сенсоры. Они чуют ржавчину, старый металл, мёртвые голосовые модули. Они не чуют живого, если живое пахнет, как мёртвое. Простая наука.

Жень кивнул. Он понимал науку. Книга под подушкой уже научила его кое-чему.

— Ты шла за этим? — он указал на рассыпанные шарики.

— За этим конкретным — да. Три дня шла. Он был старый, большой, опасный. Я думала, он кого-то убьёт, и мне достанется добыча. А он полез к тебе. И ты его — указкой. — Она снова рассмеялась. — Судьба — странная зверюга.

Килька поднялась. Отряхнула колени от пыли.

— Ладно. Город большой. Нам же по пути?

— А куда ты идёшь? — спросил Жень.

— Туда же, куда и ты, судя по твоим глазам. К вечному поезду.

Жень насторожился. Он никому не говорил про поезд. Никто не знал, кроме Отшельника. А Отшельник...

— Отшельник сказал тебе, где меня искать? — спросил он.

— Отшельник уже вроде как не говорит, — Килька покачала головой, и шарики маски зашуршали. — Он разбежался окончательно. Последние куски уползли в траву. Теперь там просто поляна с железными цветами. Красиво, кстати. Но не разговорчиво.

У Жени защемило в груди. Отшельник. Ещё один ушедший. Ещё один голос, который больше не зазвучит.

— Но перед тем как разбежаться, он сказал одну вещь. О тебе. Что ты пойдёшь к поезду. И что тебе нужен попутчик. Или попутчица. Он не уточнил.

— И ты решила, что это ты?

— Я решила, что попробую, — Килька направилась к выходу. — Если не срастётся — разойдёмся. Город большой, места хватит. Но если срастётся — вдвоём веселее. И безопаснее. Я знаю тропы. Ты знаешь, как выжигать хоровых указкой. Симбиоз.

Жень поднялся. Плечо ещё ныло, но нанороботы работали, и рука слушалась уже лучше. Он сунул книгу в заплечный мешок, проверил указку в кармане, закинул за спину посох.

— Ладно, Килька, — сказал он. — Пошли. Только учти: если вздумаешь украсть книгу...

— Книгу? — она обернулась на ходу. — Какую книгу?

— Детскую. По робототехнике.

Килька остановилась. Медленно повернулась всем корпусом. Глаза под маской блеснули неподдельным интересом.

— По робототехнике? Для детей?

— Для детей от пяти лет.

— Пять лет... — она произнесла это так, будто пробовала слова на вкус. — Знаешь, сколько мне лет, Жень-Шень?

— Понятия не имею.

— И никто не имеет. Может, пять. Может, пятьдесят. Может, пятьсот. Но книгу для детей я у тебя украду только в одном случае.

— В каком?

— Если ты не дашь почитать добровольно. — Она снова засмеялась и зашагала вниз по лестнице, ловко перепрыгивая через провалы в ступенях. — Догоняй, конусоголовый!

Они шли через город. Вернее, через то, что от него осталось. Улицы были засыпаны песком, дома стояли с выпотрошенными внутренностями, будто дохлые звери с выеденным нутром. Где-то наверху, на уцелевших этажах, ветер гулял в пустых проёмах, и звук был похож на дыхание.

Килька шагала впереди. Она знала дорогу — это было очевидно. Ни разу не остановилась в нерешительности, ни разу не сверилась с ориентирами. Просто шла, перепрыгивала, подныривала под рухнувшие балки, и её брелоки позвякивали в такт шагам.

— Видишь вон то здание? — она указала на остов высоты, торчащий из песка, как сломанное ребро. — Там я нашла вот это. — Она подняла руку, показывая брелок с белой звериной мордочкой. — Не знаю, что это за зверь. Но он милый. У него бантик. И глаза-пуговицы. И усы. Знаю, что таких зверей называли «хеллоу китти». Язык сломаешь.

— Зачем тебе это? — спросил Жень. — Оно не работает. Не светит. Не стреляет.

— Оно красивое, — ответила Килька так, будто это всё объясняло. — В старом мире было много красивого. Бесполезного, но красивого.

Они прошли мимо провала, на дне которого тускло блестела вода — грязная, с радужной плёнкой, но всё же вода. Килька остановилась, посмотрела вниз.

— Я как-то ночевала в таком провале. Думала, безопасно. А там жили «сосунки». Три штуки. Пришлось драться.

— И как? — спросил Жень, вспоминая свой собственный бой.

— Сосунки тупые, — она пожала плечами. — Их ковши — главная сила и главная слабость. Если заклинить ковш, сосунок становится просто куском металла на ножках. Я заклинила. Сначала одному. Потом второму. Третий убежал.

— Чем заклинила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.